

ДЖОН Р.Р.
ТОЛКИН

КНИГА
УТРАЧЕННЫХ
СКАЗАНИЙ

ЧАСТЬ II

Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие <i>Перевод — С. Таскаева</i>	I
I СКАЗАНИЕ О ТИНУВИЭЛЬ (THE TALE OF TINÚVIEL) Примечания и комментарии <i>Перевод — С. Лихачева</i>	3 48
II ТУРАМБАР И ФОАЛОКЭ (TURAMBAR AND THE FOALÓKĚ) Примечания и комментарии <i>Перевод — С. Таскаева</i>	69 116
III ПАДЕНИЕ ГОНДОЛИНА (THE FALL OF GONDOLIN) Примечания и комментарии <i>Перевод — А. Хромова</i>	144 197
IV НАУГЛАФРИНГ (THE NAUGLAFRING) Примечания и комментарии <i>Перевод — Е. Тихомирова</i>	221 242
V СКАЗАНИЕ ОБ ЭАРЭНДЭЛЕ (THE TALE OF EÄRENDEL) <i>Перевод — М. Крайнов, С. Таскаева</i>	252
VI ИСТОРИЯ ЭРИОЛА, ИЛИ ЭЛЬФВИНЕ, И ОКОНЧАНИЕ СКАЗАНИЙ (THE HISTORY OF ERIOL OR ÆLFWINE AND THE END OF THE TALES) Эльфвине из Англии (Ælfwine of England) Примечания <i>Перевод — Б. Гаршин, А. Каркошка, В. Свиридов</i>	278 312 328
Приложение. Имена в «Книге утраченных сказаний, часть II» <i>Перевод — А. Дубинина</i>	335
Указатель <i>Перевод — Н. Антонова</i>	353

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикация второй части *Книги Утраченных Сказаний* осуществляется в русле той же доктрины и согласно тем же принципам, которые были использованы при публикации первой части: они описаны в Предисловии к первой части, на с. 10—11. Отсылки к содержанию первой части имеют вид «I. 240», к содержанию второй — «с. 240», за исключением тех случаев, когда ссылка относится к обеим частям, к примеру, «I. 222, II. 292».

Как и в первом томе, я придерживаюсь последовательной (хотя и не обязательно «точной») системы простановки диакритических знаков ударения: несмотря на то, что во всей рукописи мы находим, к примеру, *Mim, Niniel*, я даю *Mîm, Nîniel*.

С разрешения Бодлеянской библиотеки (Оксфорда) воспроизводятся две страницы рукописей: я хотел бы выразить благодарность сотрудникам Отдела западных рукописей за содействие. Воспроизведенные страницы рукописи соотносятся с печатным текстом следующим образом:

(1) Страница из рукописи *Сказания о Тинувилье*: текст верхней части см. на с. 24—25 (начиная со слов «сильнейший ужас» и заканчивая «подкрадывается к тебе»), текст нижней части см. на с. 25—26 (начиная со слов «резкий голос» и заканчивая «Тэвильдо зарычал»).

(2) Страница из рукописи *Падения Гондолина*: текст верхней части см. на с. 189 (начиная со слов «И потому сказал Галдор...» и заканчивая «раненые доберутся»), текст нижней части см. на с. 189—190 (начиная со слов «Но остальные, ведомые неким Лэголасом Зеленым Листом» и заканчивая «велев прочим догонять»).

Относительно отличий напечатанного текста *Падения Гондолина* от рукописи см. с. 201, примечания 34—36, а также с. 203, *Бад Утвэн*; другие мелкие изменения, не упомянутые в комментариях, внесены в печатный текст согласно позднейшим поправкам версии «В» данного сказания (см. с. 146—147).

Воспроизведенные страницы рукописи иллюстрируют сказанное в Предисловии к Части I (I. 10) относительно запутанной текстовой ситуации *Утраченных Сказаний*.

Я пользуюсь случаем заметить, что, как указал мне Дуглас А. Андерсон, вариант стихотворения «Почему Человек-с-Луны спустился вниз так быстро», напечатанный в *Книге Утраченных Сказаний I*, не является (как я полагал) той самой версией, что опубликована в *Нортен Венчере* (*A Northern Venture*) в 1923 году, но содержит некоторые более поздние исправления.

В третий том «Историй» будут включены аллитерационная поэма *Лэ о Детях Хурина* (над которой отец работал в 1918—1925 годах) и *Лэ о Лэйтиан* (1925—1931 гг.) с комментариями К. С. Льюиса, а также с переработанным вариантом этой поэмы, начатым отцом после окончания *Властелина Колец*.

I

СКАЗАНИЕ О ТИНУВИЭЛЬ

Сказание о Тинувизель было написано в 1917 году, однако самая ранняя из сохранившихся версий относится к более позднему периоду и представляет собою рукопись, записанную чернилами поверх стертого карандашного текста; видимо, переработка этого предания является одним из последних завершённых отцом эпизодов *Утраченных Сказаний* (см. I. 203—204).

Существует еще и отпечатанный на машинке текст *Сказания о Тинувизель*, созданный позже, нежели рукопись, но относящийся к той же «фазе» мифологии: отец, держа перед глазами рукопись, последовательно вносил в текст поправки. Значительные расхождения между двумя версиями повести приведены на с. 41—48.

В рукописи сказание озаглавлено «Связующее звено к Сказанию о Тинувизель, а также и Сказание о Тинувизель». *Связующее звено* начинается следующим абзацем:

— Велика была во зле мощь Мэлько, — сказал Эриол, — если воистину сумел он разрушить коварством своим счастье и славу богов и эльфов, затмив свет их жилища и погубив всю любовь их! Верно, сие должно быть худшим из деяний, что когда-либо вершил он.

— Воистину, зло большее никогда не творилось в Валиноре, — молвил Линдо, — но длань Мэлько в мире вершила и худшее, и семена зла с тех дней взошли и дали поросль великую и ужасную.

— Нет, — сказал Эриол, — все же не может сердце мое скорбеть об ином, кроме как о разрушении тех прекрасных Древ и тьме мира.

Этот отрывок был вычеркнут, и в машинописном тексте он отсутствует, но возникает вновь в почти неизменном виде в последней части *Бегства Нолдоли* (I. 169). Причиной к тому послужило решение отца поместить *Сказание о Солнце и Луне*, а не *Тинувизель*, после глав *Затмение Валинора* и *Бегство Нолдоли* (см. I. 203—204, где обсуждается сложный вопрос реорганизации *Сказаний* на данном этапе). Следующая часть *Связующего звена* открывается словами: «И вот, спустя несколько дней после того, как рассказано было это предание», — которые в момент написания относились к сказанию *Затмение Валинора* и *Бегству Нолдоли*; но не существует ясных указаний на то, к какой повести их следует относить после того, как *Тинувизель* переместили на новое место.

Две версии *Связующего звена* в первой своей части очень близки, но расходятся с того момента, когда Эриол начинает рассказывать о своем прошлом. Первую часть я привожу только по машинописному варианту; там, где тексты расходятся, я последовательно привожу обе. Все комментарии касательно

истории жизни Эриола отложены до Главы VI.

И вот, спустя несколько дней после того, как рассказано было это предание, глядь! — зима приблизилась к Тол Эрэссэа, Эриол же, позабыв ныне о жажде странствий, уже некоторое время жил в древнем Кортирионе. На протяжении всех этих месяцев он не заходил далее возделанных земель, что раскинулись за пределами серых городских стен; однако охотно гостил во многих домах народа Инвир и тэлэри; и стал он еще более искушен в наречиях эльфов и еще глубже постиг их обычаи, предания и песни.

Потом на Одинокый Остров внезапно пришла зима, и сады и лужайки оделись в сверкающую мантию белых снегов; фонтаны умолкли, тишина воцарилась среди облетевших деревьев, и бледные лучи далекого солнца мерцали в тумане, либо дробились о грани ледяных гирлянд. И даже тогда не ушел Эриол, но смотрел, как холодная луна глядит с морозных небес на Мар Ванва Тьялизва; когда же над крышами сияли синие звезды, он все прислушивался, однако более не слышал звуков свирелей Тимпинэна; ибо дух этот — дыхание лета, и, едва в воздухе начинает ощущаться незримое присутствие осени, он усаживается в свою серебристую волшебную ладью, и ласточки увозят его далеко прочь.

И все же Эриол знал смех и веселье, музыку и песни в домах Кортириона — тот самый скиталец Эриол, душа которого прежде покоя не ведала. И вот наступил как-то пасмурный день, и сумеречный вечер, но в доме горел огонь, было тепло и уютно, там танцевали, и слышался шум веселых детских голосов, ибо Эриол затеял славную игру с отроками и девицами в Зале Вновь Обретенной Игры. Наконец, утомленные весельем, дети расселись на ковриках у очага, и одно дитя среди прочих, дева немногих лет, молвила:

— Расскажи мне историю, о Эриол!

— Что же рассказать тебе, о Вэаннэ? — спросил он, и та, вскарабкавшись ему на колени, проговорила:

— Поведай о людях и детях Великих Земель или о доме твоём — был ли у тебя сад, такой, как у нас, чтобы цвели там маки и анютины глазки вроде тех, что растут в моем уголке близ Беседки Дроздов?

Далее я привожу рукописную версию оставшейся части *Связующего звена*:

Тогда Эриол поведал ей о своем доме, что находился в древнем городе людей, обнесенном стеною, что ныне осыпалась и обратилась в развалины; там протекала река, над которой нависал замок с

высокой башней.

— Весьма велика была башня, — говорил Эриол, — и высоко приходилось карабкаться луне, чтобы подняться над нею.

— Выходит, сравнялась бы она и с Тирином Ингиля? — спросила Вэаннэ, но Эриол отвечал, что не знает, ибо слишком много лет прошло с тех пор, как он видел этот замок и башню в последний раз.

— О Вэаннэ, — молвил он, — я жил там очень недолго, пока не подрос. Отец мой был родом с побережья, и любовь к морю, которого я никогда не видел, вошла в мою плоть и кровь, и отец мой распаял мою тоску, рассказывая мне многое из того, что его отец поведал ему встарь. И вот мать моя зачахла от голода во время жестокой осады этого древнего города, а отца моего убили у стен в яростном сражении, и в конце концов я, Эриол, бежал к побережью Западного Моря, и домом моим с тех самых пор стала водная гладь или берег у кромки волн.

Тогда дети преисполнились скорби при мысли о горестях, выпавших на долю обитателей Великих Земель, и при мысли о войне и смерти, и Вэаннэ прижалась к Эриолу, говоря:

— О Мэлинон, никогда не ходи на войну — или уже бывал ты там?

— И достаточно часто, — отвечал Эриол, — но не на великих войнах, кровопролитных и безжалостных, что ведут земные короли и могущественные народы; в них гибнут цветущие земли и прекрасные творения рук, и даже женщины и милые девы, такие, как ты, Вэаннэ Мэлинир; нет — славные схватки доводилось мне видеть, где сходятся небольшие отряды смельчаков и обмениваются ловкими ударами. Но се! К чему говорим мы о подобных вещах, маленькая? Может быть, ты с большею охотой послушала бы о моих первых морских странствиях?

С превеликим удовольствием согласились на это дети, и Эриол поведал им о своих скитаниях у западных гаваней, об обретенных друзьях и об известных ему портах; о том, как потерпел он крушение на далеких западных островах; о том, как на одном пустынном острове набрел он на старого мореплавателя, который предоставил ему приют и у огня в заброшенной своей хижине поведал ему немало дивного о том, что есть за пределами Западных Морей, о Волшебных Островах и о самом одиноком из островов, что лежит еще дальше. Как-то раз, давно, довелось ему заметить вдалеке его сияние, после же не один день искал он его, но напрасно.

— С тех пор, — молвил Эриол, — одержим еще большим любопытством, я плывал к западным островам, стремясь услышать еще немало подобных рассказов; вот так случилось, что после многих и долгих скитаний я и сам, по милости богов, добрался в конце концов до Тол Эрэссэа — где и нахожусь сейчас, беседуя с тобою, Вэаннэ, — до тех пор, пока слова не иссякнут у меня на устах.

Тогда один из отроков, Аусир, потребовал у Эриола новых рассказов о море и кораблях, но Эриол отвечал:

— Нет — однако еще есть время до того, как Ильфиниол зазвонит

в гонг, призывая к вечерней трапезе; пусть же кто-нибудь из вас, дети, расскажет мне повесть, что доводилось ему слышать!

Тогда выпрямилась Вэаннэ и захопала в ладоши, восклицая:

— Я расскажу тебе Сказание о Тинувиэль!

Вот что представляет собою машинописная версия этого отрывка:

Тогда Эриол рассказал о доме своем, где жил давным-давно, в древнем городе людей, обнесенном стеною, что к тому времени осыпалась и превратилась в развалины; ибо народ, живущий там, издавна благоденствовал в безмятежном покое и мире. Рядом протекала река, над которой нависал замок с высокой башней.

— Там жил могучий князь, — говорил Эриол, — и, даже гляди он с самого высокого парапета, не удалось бы ему рассмотреть границ своих обширных владений; только далеко на востоке вырисовывались очертания огромных синих гор, — однако башня эта почиталась великолепнейшей в земле людей.

— Сравнилась бы она с Тирином Ингиля? — молвила Вэаннэ, и ответил Эриол:

— Воистину башня эта была весьма велика, и высоко приходилось карабкаться луне, прежде чем подняться над нею; однако сколь именно велика, ныне я сказать не могу, о Вэаннэ, ибо немало лет прошло с тех пор, как в последний раз видел я замок тот с его отвесно вздымавшейся башней. Внезапно на город обрушилась война, растревожив дремотный покой, и обвалившиеся стены не смогли сдержать натиск диких людей с Восточных Гор. Там во время жестокой осады от голода зачахла моя мать, а отец мой, отчаянно сражавшийся у стен, был убит, когда в город вступили враги. В те далекие дни я еще не дорос до того, чтобы участвовать в битвах, и меня сделали рабом.

Узнайте же, что отец мой родом был с побережья и только позже переселился в тот город, и тоска по морю, которого не видел я никогда, вошла в мою плоть и кровь, а отец ее изрядно усиливал, повествуя о бескрайних водных просторах и вспоминая древнее знание, что сам встарь перенял от своего отца. Нет нужды рассказывать о тяжелой жизни моей в рабстве, что выпала мне на долю, но в конце концов я сбросил оковы и добрался до побережья Западного Моря, и с тех пор домом мне стала водная гладь или же земля у кромки волн.

Услышав о страданиях, что выпали на долю обитателей Великих Земель, о войнах и смерти, дети преисполнились скорби, и Вэаннэ прижалась к Эриолу, говоря:

— О Мэлинон, никогда не ходи на войну — или уже бывал ты там?

— И достаточно часто, — отвечал Эриол, — но не на великих войнах, кровопролитных и безжалостных, кои ведут земные короли и могущественные народы, в которых гибнет вся красота земная и все дивные творения рук человеческих, создаваемые в дни мира; нет же — они не щадят даже милых женщин и нежных дев, таких, как ты, Вэаннэ Мэлинир, ибо тогда мужи опьянены яростью и жаждой крови

и в мире торжествует Мэлько. Нет, славные схватки доводилось мне видеть, где сходятся отважные воины и обмениваются ловкими ударами, доказывая силу и мужество, — но се! Для чего говорим мы о подобных вещах, маленькая? Не с большею ли охотой послушала бы ты о моих морских странствиях?

С превеликим удовольствием согласились на это дети, и Эриол рассказал им о первых своих странствиях у западных гаваней, об обретенных друзьях и об известных ему портах; о том, как однажды потерпел он крушение у далеких западных островов, и там, на одиноком островке, обнаружил старого морехода, что жил на берегу один, в хижине, каковую соорудил из древесины своей ладьи.

— В жизни не доводилось мне встречать собеседника более умудренного во всем, что касается моря, — сказал Эриол, — а в сокровенном знании старика было немало от ведовства. Много дивного рассказывал он мне о краях далеко за пределами Западного Моря, о Волшебных Островах и о самом одиноком из островов, что лежит еще дальше. Как-то раз, давно, довелось ему заприметить вдалеке его сияние, и после того не один день искал он его, но напрасно. Немало всего поведал он мне о потаенных морях, о темных и пустынных водах: без него никогда бы не отыскал я прекраснейшую эту землю и чудесный этот город, и Домик Утраченной Игры, — однако не без долгих и горестных поисков и многих утомительных странствий добрался я, наконец, по милости богов, до Тол Эрэссэа, где и пребываю ныне, беседа с тобой, Вэаннэ, — пока слова не иссякнут на устах.

Тогда, однако, один из отроков, Аусир, потребовал новых рассказов о море и кораблях, говоря:

— Ибо разве не знаешь ты, Эриол, что тот старый мореход на пустынном побережье был не кто иной, как сам Ульмо; нередко является он в подобном обличи тем мореплвателям, коих возлюбил он — однако у того, кто беседовал с Ульмо, уж верно, найдется не один рассказ, который не наскучит даже обитателям Кортириона.

Но Эриол в ту пору не поверил словам Аусира и молвил:

— Нет, уплатите мне долг, прежде чем Ильфрин ударит в гонг, призывая к вечерней трапезе; пусть кто-нибудь из вас расскажет мне повесть, что доводилось ему слышать.

Тогда Вэаннэ выпрямилась и захлопала в ладоши, восклицая:

— Я расскажу тебе Сказание о Тинувизэль!

Сказание о Тинувизэль

Далее приводится текст *Сказания о Тинувизэль* так, как он представлен в рукописи. *Связующее звено* никак не обозначено и не отделено от самой повести, и Вэаннэ не предвзвывает ее никаким формальным вступлением.

— Кто же такая Тинувиэль? — спросил Эриол.

— Или не знаешь ты? — воскликнул Аусир. — Тинувиэль была дочерью Тинвэ Линто.

— Тинвэлинта, — поправила Вэаннэ, но отозвался тот:

— Это все едино, однако эльфы сего дома, которым мило это предание, говорят не иначе как Тинвэ Линто, хотя Вайрэ обмолвилась как-то, что истинное его имя — просто Тинвэ; так звался он до того, как заплутал в лесу.

— Тише, Аусир, — молвила Вэаннэ, — ибо моя это повесть, и сама я хочу рассказать ее Эриолу. Разве не видела я однажды своими глазами Гвэндэлинг и Тинувиэль, странствуя Путем Снов в далеком прошлом?¹

— Какова же была обличем королева Вэндэлин (ибо так зовут ее эльфы)², о Вэаннэ, если видела ты ее? — спросил Аусир.

— Хрупкой и темноволосой была она, — отвечала Вэаннэ, — бледна и светла лицом, но ярко сияли бездонные глаза ее, и прекрасные, зыбкие, как туман, одежды — черные, расшитые сверкающим агатом и украшенные серебряным поясом, облекали ее стан. Когда пела она либо кружилась в танце, сон и забытье нисходили на вас, одурманивая разум. Воистину, была она духом, что покинул сады Лоризна еще до постройки Кора; бродила она в лесах мира, и соловьи следовали за нею, и слагали о ней свои песни. Песнь этих птиц достигла вдруг слуха Тинвэлинта, вождя племени эльдар, что впоследствии стали флейтистами побережья, солосимпи, когда следовал он со своими спутниками за конем Оромэ из Палисора. Илуватар вложил в сердца этого народа зерно музыки: так говорит Вайрэ, а она — одна из них; и после расцвело оно дивным цветом; тогда же показалось Тинвэлинту, внимавшему соловьям Гвэндэлинг, что доселе не слышал он музыки более чарующей; и на миг — как подумалось ему — свернул он в сторону от отряда, стремясь отыскать во мраке дерев источник чудных мелодий.

И говорят, что не на миг застыл он, заслушавшись, но на многие годы, и тщетно искали короля его подданные, и, наконец, последовали за Оромэ, и увезены были на Тол Эрэссэа далеко прочь, и более не видал их Тинвэлинт. Однако спустя недолгое время, как показалось Тинвэлинту, он отыскал Гвэндэлинг — она покоилась на ложе из листьев, глядя на звезды над головою и внимая птицам. Неслышно приблизившись, Тинвэлинт склонился над нею и взглянул на нее, и подумал: «Вот передо мною создание более дивное, нежели прекраснейшие из моего народа», — ибо Гвэндэлинг воистину не принадлежала ни к эльфам, ни к смертным, но к детям богов; и Тинвэлинт склонился ниже, дабы коснуться локона ее волос, и под ногою его хрустнула ветка. Тогда вскочила Гвэндэлинг и с тихим смехом исчезла вдали; порою издалека доносилась ее песнь, порою кружилась она в танце

прямо перед ним, пока забытье благоуханных снов не овладело Тинвэлинтом, — и опустился он на землю, и надолго уснул.

Когда же пробудился Тинвэлинт, более не вспоминал он о своем народе (и воистину, то было бы напрасно, ибо подданные его давным-давно достигли Валинора), но мечтал только о том, чтобы увидеть вновь госпожу сумерек, она же была неподалеку, ибо осталась подле Тинвэлинта, храня его сон. Ничего более о них не знаю я, о Эриол, кроме одного только: в итоге стала она его женою, ибо Тинвэлинт и Гвэндэлинг долго, очень долго оставались Королем и Королевой Утраченных Эльфов Артанора или Запредельной Земли, — по крайней мере, так сказано здесь.

Много-много лет спустя, как ты знаешь, Мэлько вернулся в мир, бежав из Валинора, и все эльдар — те, что остались во тьме или сбились с пути во время похода от Палисора, а также и те нолдоли, что последовали в мир за ним, стремясь отвоевать утраченное сокровище, стали рабами под его властью. Однако говорится, что многие бежали и скитались в лесах и пустошах, из них же немало диких племен, обитавших в лесных дебрях, объединились под владычеством Тинвэлинта. Самыми многочисленными из них были илькоринди — или, иначе, эльдар, никогда не видевшие Валинора и Двух Древ и не жившие на холме Кор, — существа непостижимые и странные; немногое ведомо им было о свете и красоте, и о музыке, разве что песни тьмы и обрывки колдовских заклинаний, что затихали в лесных чащах или эхом отзывались под сводами глубоких пещер. Иными стали они, когда взошло Солнце, однако еще до того к ним присоединились многие странствующие гномы, немало было среди них и своевольных духов из народа Лориэна, что остались при дворе Тинвэлинта; будучи свитою Гвэндэлинг, они не принадлежали к роду эльдалиэ.

Во времена Солнечного Света и Лунного Сияния Тинвэлинт все еще правил в Артаноре, и ни он, ни большинство его подданных не приняли участия в Битве Бессчетных Слез, хотя в этом предании речь о ней не идет. Однако же после ужасного разгрома власть Тинвэлинта весьма умножилась, ибо те, кому удалось спастись, бежали под его защиту. Волшебство фэй Гвэндэлинг скрывало его обитель от мысли и взора Мэлько; она соткала завесу чар над лесными тропами, чтобы никто не мог пройти по ним беспрепятственно, помимо одних только эльдар; так король оказался защищен от любой опасности, кроме разве предательства. Чертоги его находились в просторной и глубокой пещере, однако то была обитель, поражающая красотой и достойная короля. Пещера эта скрывалась в самой глубине Артанора, крупнейшего из лесов, и река протекала у ее врат, так что никто не мог вступить под своды дворца, иначе как